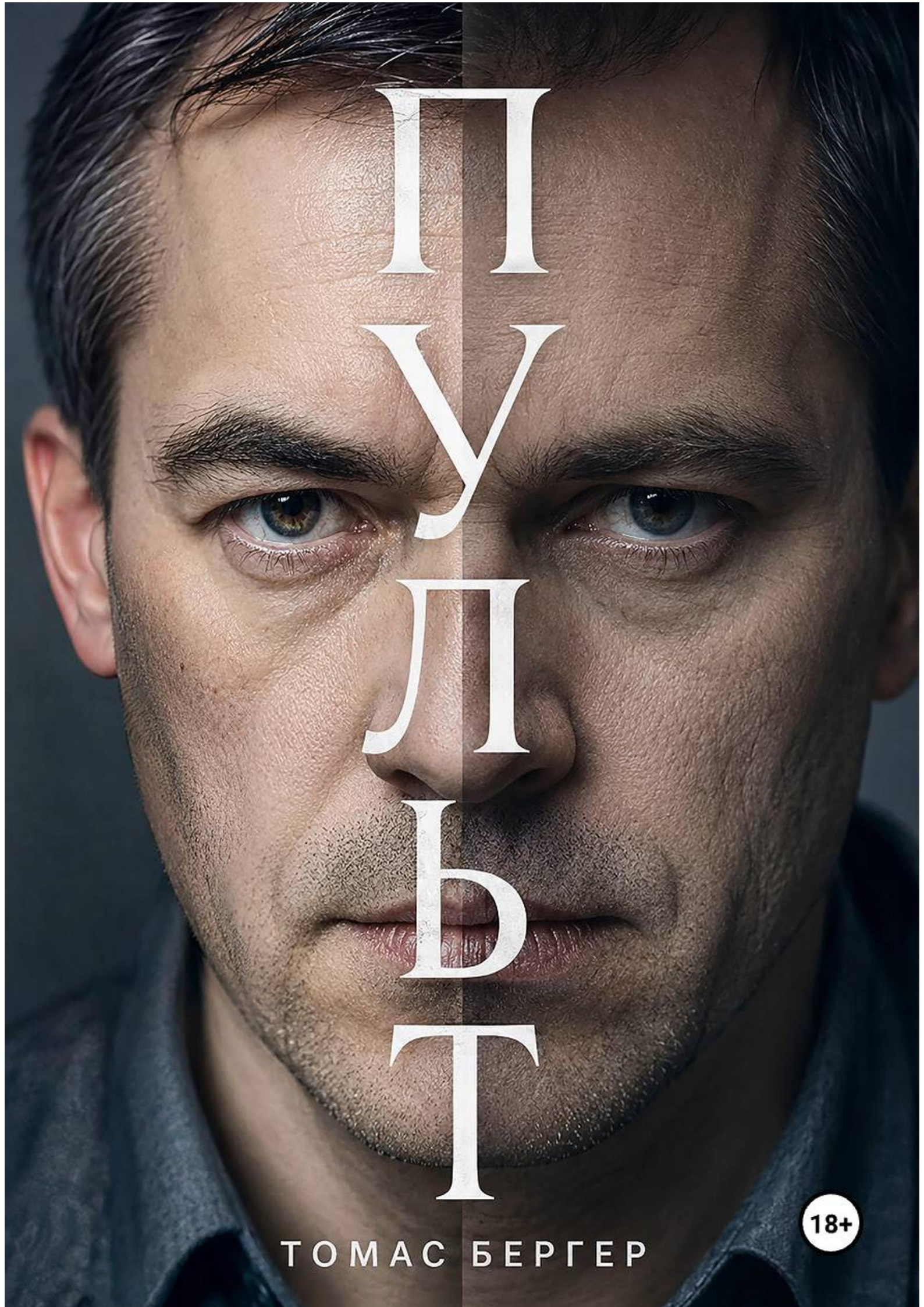

A close-up portrait of a man with light blue eyes and a slight stubble, looking directly at the camera. The image is split vertically down the middle. The left side is in a warm, golden-brown light, while the right side is in a cool, blue-toned light. Large, white, serif Cyrillic letters are superimposed over the center of the face.

П У Л Ь Т

ТОМАС БЕРГЕР

18+

Томас Бергер

Пульт

«Автор»

2026

Бергер Т.

Пульт / Т. Бергер — «Автор», 2026

«Пульт» — роман-расследование о московском бухгалтере Сергее, который после вспышки иррациональной тревоги за дочь начинает изучать влияние медиа, общественных ярлыков и псевдоэкспертных систем на человеческое сознание. Его личный поиск превращается в путь к возвращению контроля над вниманием, семьей и собственной жизнью.

© Бергер Т., 2026

© Автор, 2026

Томас Бергер

Пульс

Настоящее издание является художественным произведением. Все имена, персонажи, события, организации, компании и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла. Любое сходство с реальными лицами, действующими или прекратившими деятельность организациями, компаниями, а также с реальными событиями и обстоятельствами носит исключительно случайный и непреднамеренный характер.

Пролог

Свет от экрана мобильного телефона в темноте спальни кажется неестественно синим. Было ровно 6:47 утра. За окном еще тянулась серая, нерешительная московская осень. Моя жена Лена тихо дышала рядом, уткнувшись носом в подушку. На краю подоконника, свернувшись серым клубком, дремал наш кот Федот. Все было мирно, привычно, безопасно. Но внутри меня уже запускался привычный, хорошо отлаженный механизм.

Я еще не успел опустить ноги на холодный ламинат, не успел сделать глоток воды, но моя правая рука привычным, автоматическим движением уже нащупала смартфон. Большой палец скользнул по стеклу. Разблокировка.

Первая вкладка — новостной агрегатор. Заголовок: «Крупная авария на химическом заводе, угроза выброса». Вторая вкладка — Telegram-канал с быстрыми новостями. Видео: пылающий пригород где-то на другом конце света, крики людей, сирены. Третья вкладка — комментарии под постом о возможном росте цен и дефиците лекарств. Люди спорили, проклинали друг друга, предрекали скорый крах всего.

К моменту, когда на кухне закипел чайник, я уже переварил три катастрофы, два политических скандала и один прогноз о неизбежном экономическом кризисе. Мой пульс составлял 94 удара в минуту. Я стоял у окна, смотрел на просыпающийся город и чувствовал, как в груди разрастается тяжелый, липкий ком. Я называл это «быть в курсе событий». Я считал себя ответственным гражданином, который должен знать правду, чтобы защитить свою семью.

В тот день моя четырнадцатилетняя дочь Даша собиралась в кино с одноклассниками. Обычный субботний сеанс в торговом центре в трех остановках от нашего дома. Она стояла в прихожей, застегивая куртку, веселая, что-то напевая под нос.

— Даш, — позвал я, и мой собственный голос показался мне чужим, каким-то надтреснутым. — Может, ты сегодня дома побудешь? Или давай я с тобой поеду?

Она удивленно повернулась. В ее глазах отразилось искреннее непонимание.

— Пап, зачем? Мы же договорились. Там все наши будут.

— Время сейчас беспокойное, — пробормотал я, чувствуя, как к горлу подступает необъяснимая паника. Перед глазами вспыхнули кадры из утренней ленты новостей: взрывы, испуганные лица, полицейские кордоны. В моем сознании эти далекие, не связанные с нами события мгновенно выстроились в прямую угрозу для моей дочери здесь и сейчас. — Мало ли что. Давай лучше в следующий раз.

Даша посмотрела на меня долгим, оценивающим взглядом. В этом взгляде не было обиды — скорее жалость и легкая тревога за меня.

— Пап, ты с ума сошел, — тихо сказала она. — Ты в последнее время сам не свой.

Она ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь. А я остался стоять в прихожей. Ее слова ударили меня сильнее, чем любой заголовок в сети. Я подошел к зеркалу. На меня смотрел сорокадвухлетний мужчина, обычный бухгалтер с ипотекой, уставшими глазами и легкой седinou на висках. Человек, который всегда гордился своим рациональным мышлением, умением работать с цифрами и хладнокровием. И этот человек сейчас едва не запер свою дочь дома просто потому, что начитался новостей в интернете.

Я действительно сходил с ума. Но самое страшное было в том, что я был не один такой.

Я вернулся за рабочий стол, открыл ноутбук и вместо привычных бухгалтерских таблиц начал искать ответы. Мне нужно было понять, что происходит с моим разумом. Как профессиональный аудитор, я привык верить не эмоциям, а цифрам, первоисточникам и проверяемым фактам.

Первое, на что я наткнулся, было исследование ученых из Калифорнийского университета в Ирвайне под руководством Эрин Холман. Это была чистая математика человеческого страха. После теракта на Бостонском марафоне исследователи опросили 4 675 взрослых жителей США; часть данных о психическом состоянии участников была собрана еще до трагедии в рамках более ранних обследований. Через две-четыре недели после взрывов они сопоставили эти сведения с уровнем медиавоздействия и острого стресса. Результаты оказались шокирующими.

Люди, которые не были в Бостоне, не теряли близких и не находились рядом с местом взрыва, но смотрели новости о теракте более шести часов в день, демонстрировали более высокий уровень острого стресса и симптомов ПТСР, чем те, кто находился непосредственно на месте событий. Экран телевизора и смартфона калечил психику сильнее, чем реальная близость к физической опасности.

Я перечитал это исследование трижды. Мой мозг отказывался принимать эту информацию. Мы привыкли думать, что медиа — это просто зеркало реальности. Но цифры говорили о другом: медиа создают собственную, гораздо более агрессивную реальность, которая атакует нас прямо в наших домах.

Дальше — больше. Я начал поднимать медицинские архивы. Национальное исследование, проведенное в США через три года после трагедии 11 сентября, зафиксировало: регулярное потребление новостей об одном крупном теракте увеличивает риск развития сердечно-сосудистых заболеваний на 53% в течение последующих трех лет. Просто за просмотр сюжетов на экране. Хронический стресс, вызванный медиа потреблением, в четыре раза увеличивает риск инсульта, провоцирует диабет и напрямую связан с онкологическими процессами из-за постоянного выброса кортизола и адреналина.

Я посмотрел на глобальную статистику Всемирной организации здравоохранения. Число людей с гипертонией в мире удвоилось за последние тридцать лет — с 650 миллионов до 1,3 миллиарда человек. С 1990 по 2019 год количество инсультов на планете выросло на 70%.

Вдумайтесь в эти цифры. За эти же тридцать лет медицина совершила невероятный рывок. Появились новые методы диагностики, высокотехнологичные операции, таргетная терапия. Но болезни не отступают. Они наступают с бешеной скоростью. Почему?

Ответ лежал на поверхности, но мы упорно отказываемся его замечать. Мы изменили свою информационную диету. Мы добровольно впустили в свои спальни и кухни источник постоянного, непрекращающегося ни на минуту страха.

Французский профессор психиатрии Луи Крок, изучавший психологию экстремальных ситуаций, писал, что использование постоянной угрозы — будь то война, эпидемия или невидимый внутренний враг — это самый эффективный способ подчинить поведение людей. Запуганный человек теряет способность к критическому анализу. Он становится более управляемым. Он готов отказаться от своих прав, от свободы слова, от личных границ ради иллюзии безопасности. Он требует «сильной руки». Он перестает задавать вопросы. Он пытается не пустить дочь в кино.

Я сидел в тишине своей квартиры. Кот Федот перебрался ко мне на колени, тихо мурлыча. За стеной Даша, вернувшаяся из кино целой и невредимой, смеялась, разговаривая с кем-то по телефону. Мир не рухнул. Но я понял, что нахожусь внутри огромной, хорошо спроектированной системы, которая ежедневно нажимает на кнопки в моем мозгу.

Кто держит этот пульт? Кто и зачем профессионально продает нам тревогу?

Мое расследование началось с этих вопросов. Я еще не знал, куда приведет меня этот след. Я не предполагал, что обычный поиск причин моей собственной тревожности выведет меня на международные организации, сомнительные законы, принимаемые в европейских столицах, и скрытые механизмы влияния, которые уходят корнями в самые темные страницы истории двадцатого века.

Я просто открыл чистый файл на компьютере и написал первое слово: «Пульс».

Глава 1. Механика экранного стресса

Цифры не умеют лгать. В моей профессии это аксиома, закон, на котором держится все. Если дебет не сходится с кредитом хотя бы на одну копейку, значит, где-то допущена ошибка. Ошибка может быть случайной, а может быть намеренной, скрывающей системный сбой или воровство. Когда я решил провести аудит собственного информационного поведения, я подошел к этому процессу так же, как к проверке годового баланса крупного предприятия. Без эмоций. Только сухие данные.

Я установил на свой смартфон программу контроля экранного времени. Мне казалось, что я пользуюсь телефоном умеренно — ну, час, максимум полтора в день, в основном по работе. Когда через неделю приложение выдало мне первый отчет, я долго смотрел на экран, отказываясь верить своим глазам.

Среднее время активности составляло четыре часа сорок восемь минут в день. Почти пять часов.

Я взял калькулятор и быстро перевел эти цифры в годовой масштаб. Получилось около семидесяти полноценных суток в год. Семьдесят дней, которые я провел, уставившись в светящийся прямоугольник, листая бесконечные ленты новостей, просматривая короткие видеоролики и читая комментарии совершенно незнакомых мне людей. Это было не просто потерянное время. Это был ресурс, который я добровольно изымал из своей жизни, из общения с дочерью, из сна и работы.

Но самым тревожным было не потерянное время. Я начал вести дневник своего физического состояния. Каждый раз, когда я открывал новостное приложение, я фиксировал свои ощущения. Сначала это казалось глупостью, но уже на третий день начала вырисовываться закономерность.

Стоило мне прочитать заголовок очередной катастрофы или политического кризиса, как в теле происходили мгновенные изменения. Пальцы рук становились холодными. Дыхание делалось поверхностным, словно мне не хватало воздуха. В затылке появлялась тяжелая, тупая боль, а плечи непроизвольно поднимались, словно тело пыталось защитить шею от удара. Я ловил себя на том, что сжимаю челюсти так сильно, что начинают ныть зубы.

Это не были ментальные переживания. Мое тело реагировало на буквы на экране так, словно на меня из темноты прыгал дикий зверь.

Чтобы понять, как этот процесс устроен изнутри, я решил выйти из-за компьютера. Мне нужен был профессиональный взгляд человека, который каждый день видит последствия этого невидимого воздействия. Я записался на прием к Дмитрию Андреевичу Резнику, кардиологу с двадцатипятилетним стажем, доктору медицинских наук, работающему в одной из крупных клиник на Пироговской улице.

Кабинет Дмитрия Андреевича встретил меня тихим гулом медицинских приборов и успокаивающим запахом чистоты. Сам доктор — плотный мужчина с аккуратной седой бородой и внимательными, слегка усталыми глазами — выслушал мою историю без тени иронии. Я выложил перед ним распечатки своего экранного времени и графики колебаний пульса, которые фиксировал мой фитнес-браслет.

— Вы очень вовремя решили заняться этим, Сергей, — произнес Дмитрий Андреевич, рассматривая мои бумаги. — Большинство моих пациентов приходят сюда уже после того, как их увозит скорая с инфарктом или инсультом. И когда мы начинаем разбирать анамнез,

выясняется, что физиологическим триггером катастрофы почти всегда становится стресс. А откуда они его берут в мирное время? Из телевизора и смартфонов.

Он поднялся, подошел к пластиковой модели человеческого сердца, стоявшей на полке, и повернул ее к себе.

— Давайте разберем физиологию процесса. Наш организм — это очень консервативная система. С точки зрения эволюции мы мало чем отличаемся от наших предков, живших в пещерах десятки тысяч лет назад. У нашего мозга есть древняя, как сам мир, система выживания. Когда вы видите на экране новость о взрыве, эпидемии или экономическом крахе, ваш мозг не понимает, что это происходит за тысячи километров от вас или вообще является преувеличением. Для него любая пугающая информация — это сигнал непосредственной физической угрозы. Здесь и сейчас.

Дмитрий Андреевич постучал пальцем по столу.

— В этот момент гипоталамус мгновенно отправляет сигнал надпочечникам. Происходит мощный выброс гормонов стресса — адреналина и кортизола. Адреналин заставляет сердце биться чаще, чтобы перекачивать больше крови к мышцам. Он сужает кровеносные сосуды — это называется вазоконстрикцией. Зачем? Чтобы в случае ранения уменьшить кровопотерю. Кортизол, в свою очередь, резко повышает уровень глюкозы в крови, мобилизуя все энергетические ресурсы организма для одного действия: бежать или сражаться.

— Но я никуда не бегу, — заметил я. — Я лежу в кровати или сижу в офисном кресле с чашкой чая.

— Вот именно! — доктор поднял указательный палец. — В этом и заключается трагедия современного человека. Древний механизм рассчитан на мгновенное физическое действие. Пещерный человек либо убегал от саблезубого тигра, либо убивал его. В обоих случаях гормоны стресса расходовались в процессе физической активности, сосуды расширялись, давление приходило в норму. Вы же остаетесь неподвижным. Адреналин и кортизол продолжают циркулировать в вашей крови. Ваши сосуды остаются сжатыми, как спазмированные шланги. Сердце вынуждено работать с колоссальной перегрузкой, проталкивая кровь через эти суженные каналы.

Дмитрий Андреевич открыл ящик стола и достал медицинскую карту.

— У меня есть показательный случай. Пациент, назовем его Павел Петрович. Сорок пять лет, ведущий IT-специалист, физически крепкий мужчина, не курит, регулярно ходит в бассейн. Поступил к нам полгода назад с тяжелейшим гипертоническим кризом. Давление было сто девяносто на сто десять. Мы еле купировали состояние. Когда начали выяснять причины, оказалось, что накануне он все выходные провел в постели, читая текстовую трансляцию о затяжном геополитическом конфликте. Он не спал, почти не ел, только листал ленту. Его организм двое суток находился в состоянии химической атаки собственными гормонами. Его сосуды просто не выдержали. Мы диагностировали у него выраженную эндотелиальную дисфункцию — повреждение внутреннего слоя сосудов из-за постоянного спазма. Это прямой путь к атеросклерозу и инфаркту.

Я слушал доктора, и в моей голове складывался пазл. Я вспомнил статистику Всемирной организации здравоохранения, которую изучал накануне встречи.

Согласно официальным докладом ВОЗ, за период с 1990 по 2019 год количество людей, страдающих гипертонией, увеличилось ровно вдвое — с 650 миллионов до 1,3 миллиарда человек. Это колоссальный, необъяснимый с точки зрения чистой биологии рост. За эти же тридцать лет человечество стало лучше питаться, качество питьевой воды во многих регионах улучшилось, появились новые классы высокоэффективных гипотензивных препаратов. Но болезнь не просто не отступила — она захватила планету.

— Дмитрий Андреевич, — спросил я, — может ли этот взрывной рост гипертонии быть связан именно с изменением нашей информационной среды? Ведь именно на эти тридцать лет приходится появление интернета, мобильной связи и круглосуточных новостных каналов.

Доктор тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Я абсолютно в этом убежден. И не только я. Кардиологи по всему миру бьют тревогу. Понимаете, гипертонию не зря называют «тихим убийцей». Человек может годами не чувствовать повышенного давления. Но постоянный избыток кортизола разрушает сосудистую стенку. Она теряет эластичность, становится жесткой. На поврежденных участках начинают откладываться холестериновые бляшки. С 1990 по 2019 год количество инсультов в мире выросло на 70%. Это официальные данные систематического анализа Глобального бремени болезней, опубликованные в журнале *The Lancet Neurology*. Мы научились делать сложнейшие операции на открытом сердце, но мы бессильны перед ежедневным, ежечасным добровольным отравлением нервной системы, которое устраивают себе люди.

Я поблагодарил доктора Резника и вышел из клиники. На улице моросил мелкий дождь. Люди вокруг меня спешили к метро, и почти каждый второй на ходу смотрел в экран своего телефона. Они шли, спотыкаясь, не замечая ничего вокруг, полностью погруженные в свои персональные источники тревоги. Я ехал в метро и думал о том, что мы стали участниками гигантского, несанкционированного эксперимента над человеческой психикой и физиологией.

Вернувшись домой, я заперся в кабинете и решил детально изучить научную базу этого явления. Мне нужно было найти первоисточники исследований, которые бы подтверждали или опровергали мои догадки.

Первым документом, который я детально проанализировал, стало то самое исследование Эрин Холман и ее коллег из Калифорнийского университета в Ирвайне, посвященное психологическим последствиям теракта на Бостонском марафоне в 2013 году. Я нашел оригинальную публикацию в журнале *Proceedings of the National Academy of Sciences*.

Методология исследования была безупречной. Ученым невероятно повезло: они собирали данные о репрезентативной выборке из 4 675 взрослых американцев незадолго до трагедии. Это позволило им иметь точную картину психического здоровья участников «до» события. Через две-четыре недели после взрывов исследователи провели повторный опрос тех же людей.

Они оценивали уровень острого стресса по стандартным клиническим шкалам, а также фиксировали количество времени, которое участники тратили на потребление информации о теракте через телевидение, радио, печатные СМИ, интернет и социальные сети.

Результаты, которые получили Холман и ее соавторы, заставляют содрогнуться любого рационально мыслящего человека.

Люди, которые подвергались прямому воздействию теракта — то есть находились непосредственно на месте взрыва в Бостоне или имели близких родственников среди пострадавших, — безусловно, испытывали тяжелейший стресс. Но уровень острого стресса у тех, кто не имел никакого отношения к Бостону, не знал никого из пострадавших, но смотрел или читал новости о трагедии более шести часов в день в течение недели после события, оказался значительно выше.

Экран калечил сильнее, чем реальная близость к взрыву.

Я начал разбираться, почему так происходит. В исследовании Холман подробно описывается этот феномен. Когда человек находится в эпицентре реального трагического события, его стресс имеет четкие временные и пространственные границы. Взрыв произошел, пыль улеглась, раненым оказали помощь, полиция оцепила район. Острая фаза завершилась. Начинается процесс адаптации и преодоления травмы.

Но когда человек включает телевизор или открывает новостную ленту, для его мозга событие не заканчивается никогда. СМИ запускают процесс, который психологи называют

руминацией — непрерывным, навязчивым прокручиванием в голове одних и тех же тревожных мыслей и образов.

Телеканалы показывают кадры взрыва снова и снова. С разных ракурсов. В замедленной съемке. Снабжая их тревожной музыкой и кричащими заголовками. В социальных сетях появляются новые подробности, фотографии разорванной одежды, залитого кровью асфальта. Человек застревает в этой петле. Каждый новый просмотр видеоролика или чтение статьи активизирует схему страха в головном мозге заново. Мозг не понимает, что это один и тот же взрыв, показанный в сотый раз. Для него это сто новых взрывов.

Постоянная когнитивная обработка страха удерживает симпатическую нервную систему в состоянии непрерывного возбуждения. Организм не получает передышки. Острый стресс, который должен был угаснуть через несколько дней, превращается в хронический. А хронический стресс, как доказано сотнями клинических исследований, разрушает иммунную систему, нарушает работу эндокринных желез и приводит к необратимым изменениям в сосудах.

Но почему мы не можем остановиться? Почему, испытывая дискомфорт, тревогу и физическую боль, мы продолжаем тянуться к телефону и открывать новостные сайты?

Ответ на этот вопрос лежал в области нейробиологии. Я углубился в изучение феномена, который в научной литературе получил название «синдром информационной перегрузки» (Information Overload Syndrome).

Наш мозг — это великолепный инструмент, но он формировался в условиях жесткого дефицита информации. В первобытные времена получение новых сведений (где найти еду, откуда грозит опасность, как изменилась погода) было ключевым фактором выживания. Поэтому эволюция закрепила простой механизм: за получение новой информации мозг награждает нас крошечной дозой дофамина — гормона удовольствия и предвкушения.

Современные медиаплатформы и социальные сети построены на эксплуатации этого древнего механизма. Каждый раз, когда мы обновляем ленту новостей, мы совершаем действие, аналогичное нажатию на рычаг игрового автомата. Мы не знаем, что там появится. Возможно, там будет скучная статья, а возможно — сенсация, шокирующее видео или пугающий заголовок. Этот элемент непредсказуемости вызывает мощный дофаминовый отклик. Мы подсаживаемся на информационную иглу, сами того не замечая.

Но за этот дешевый дофамин мы платим страшную цену.

Главной жертвой информационной перегрузки становится префронтальная кора головного мозга. Это самый молодой и самый сложный отдел нашей нервной системы. Именно префронтальная кора отвечает за высшие когнитивные функции: критическое мышление, планирование, принятие решений, самоконтроль и фильтрацию ненужной информации. Она работает как строгий и умный менеджер, который решает, какие задачи сейчас приоритетны, а какие сигналы можно проигнорировать.

Однако ресурс префронтальной коры крайне ограничен. Она потребляет колоссальное количество энергии. Когда на человека обрушивается непрерывный, неконтролируемый поток эмоционально заряженной, противоречивой и пугающей информации, этот «менеджер» просто не справляется с нагрузкой.

Происходит то, что нейробиологи называют когнитивным истощением. Префронтальная кора теряет способность эффективно фильтровать сигналы. Она больше не может отличать важную информацию от второстепенной, правду от откровенной лжи, реальную угрозу от виртуального шума.

Когда префронтальная кора истощена и фактически отключается, контроль над поведением человека переходит к более древней, подкорковой структуре — миндалевидному телу (амигдале). Амигдала — это центр наших эмоций, в первую очередь страха и агрессии. Она не умеет анализировать, она умеет только реагировать. Ее реакция быстра, примитивна и направлена на выживание любой ценой.

Человек, находящийся под управлением амигдалы, теряет способность к критическому мышлению. Он становится чрезвычайно внушаемым. Его легко напугать, им легко манипулировать. Он начинает видеть врагов повсюду, его охватывает фоновая, липкая тревога, которую невозможно снять логическими доводами. Он перестает доверять фактам и начинает верить только своим эмоциям. А его эмоции в этот момент — это страх и паника.

Я сидел за столом, глядя на экран ноутбука, где были открыты схемы нейронных связей головного мозга. За окном совсем стемнело. В тишине квартиры было слышно, как на кухне мерно тикают часы.

Я понял, что нашел ответ на свой первый вопрос. Моя паника, мой иррациональный страх за дочь, мое нежелание отпускать ее в кино — все это не было проявлением отцовской заботы. Это был физиологический сбой. Моя префронтальная кора, истощенная годами непрерывного потребления негативных новостей, просто сдалась. Контроль захватила амигдала, которая нарисовала в моем воображении смертельную опасность там, где ее не было.

Я посмотрел на свой телефон, лежащий на краю стола. На его экране загорелось синее уведомление. Очередной Telegram-канал сообщал о «срочных и шокирующих подробностях» какого-то происшествия.

Моя рука непроизвольно дернулась к смартфону. Палец завис над экраном. Я почувствовал, как внутри меня снова запускается этот привычный круг: легкий укол тревоги, предвкушение новой информации, готовность нажать на ссылку.

Глубокий вдох, медленный выдох — всё по инструкции доктора Резника. Пальцы рук были холодными. Тело уже приготовилось к бою, хотя я просто сидел в тёплой комнате.

Я перевернул телефон экраном вниз.

Это был мой первый, крошечный шаг к возвращению контроля над собственной жизнью. Но я понимал, что это только самое начало пути. Я разобрался с тем, как медиапотребление разрушает мое тело и мой разум на физическом уровне. Но оставался главный, гораздо более сложный и опасный вопрос.

Если этот механизм воздействия на человеческую психику настолько эффективен, если он гарантированно лишает людей критического мышления и делает их управляемыми, то неужели никто не использует его сознательно?

Кто создает эти информационные потоки? Кто конструирует эти триггеры страха, которые заставляют миллионы людей по всему миру добровольно разрушать свое здоровье и подчинять свое поведение чужой воле?

Я открыл новый текстовый файл на компьютере. Мое расследование выходило на следующий уровень. Мне нужно было понять, как именно этот страх упаковывается в слова и юридические формулировки, которые затем транслируются на весь мир.

Глава 2. Язык вражды и юридическая пустота

В моей профессии нет места двусмысленности. Если в аудиторском отчете или бухгалтерском балансе появляется строка «Прочие расходы», за которой скрываются миллионы рублей без расшифровки и первичных документов, любой профессионал понимает: здесь что-то не так. Либо это халатность, либо намеренная попытка скрыть нецелевое использование средств. В финансах каждое слово, каждая цифра должны иметь четкое, законодательно закрепленное определение. Если вы назовете актив пассивом, вас просто лишат лицензии.

Когда я, обычный бухгалтер с ипотекой, решил разобраться в причинах своего собственного фонового страха, я применил тот же самый профессиональный подход. Я решил проверить термины, которыми нас ежедневно бомбардируют с экранов телевизоров и смартфонов.

«Тоталитарная секта». «Деструктивный культ».

Эти словосочетания звучат настолько привычно, что мы давно перестали задумываться об их значении. Они выносятся в заголовки криминальной хроники, звучат из уст политиков, экспертов и ведущих ток-шоу. Они вызывают мгновенную, автоматическую реакцию: страх,

отвращение, желание отгородиться, защитить близких. Но что стоит за этими словами с точки зрения закона?

Я открыл профессиональную правовую базу данных, которой пользуюсь для работы с налоговым законодательством. Я ввел в строку поиска словосочетание «тоталитарная секта». Система выдала нулевой результат. Я попробовал «деструктивный культ». Снова пустота.

В действующем законодательстве, регулирующем деятельность некоммерческих и религиозных организаций, таких понятий просто не существовало. Закон знает «религиозные группы» и «религиозные организации». Он знает «некоммерческие объединения». Но он ничего не знает о «тоталитарных сектах».

Как аудитор, я почувствовал, что наткнулся на гигантскую финансовую дыру в балансе общественного сознания. Термины, которые определяют судьбы людей, ломают карьеры и оправдывают закрытие организаций, оказались юридической пустышкой. Внеправовыми ярлыками, которые кто-то сознательно ввел в оборот.

Чтобы понять, откуда взялись эти слова и почему они работают вопреки закону, мне пришлось выйти из своего привычного цифрового пространства. Я понял, что интернет-поисковики выдают лишь верхний, самый агрессивный слой информации — бесконечные статьи-страшилки и эмоциональные ток-шоу. Мне нужны были первоисточники, серьезный научный анализ.

В один из холодных октябрьских дней, когда серая изморось превращала московские улицы в сплошное зеркало, я отправился в Российскую государственную библиотеку. Огромное здание на Воздвиженке встретило меня привычной тишиной, запахом старой бумаги, мастики для паркета и легким гулом вентиляции. Получив временный читательский билет, я поднялся в читальный зал гуманитарных наук. Под зелеными лампами за длинными дубовыми столами сидели люди, погруженные в чтение. Здесь время словно замедляло свой ход, контрастируя с безумным ритмом новостных лент в моем телефоне.

Я заказал труды Игоря Яковлевича Кантерова.

Кантеров — доктор философских наук, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, один из крупнейших отечественных религиоведов, посвятивший изучению религиозных движений более тридцати лет. Его работы отличались тем самым академическим хладнокровием и точностью формулировок, которые я так ценил в своей работе.

Когда тяжелые, пахнущие архивной пылью тома легли на мой стол, я углубился в чтение. И передо мной начала открываться история масштабной лингвистической манипуляции.

В своей книге «Новые религиозные движения» профессор Кантеров подробно описывал, как происходила эволюция этих терминов. Оказалось, что слово «культ» на протяжении веков было сугубо научным термином, использовавшимся историками религии, этнографами и теологами. Оно не несло в себе никакой негативной окраски. Ситуация резко изменилась в середине 1970-х годов на Западе, когда это слово подхватили массмедиа. Издателям газет и журналов оно понравилось своей краткостью, боевитостью и эмоциональностью. Чтобы усилить эффект, к нему стали добавлять пугающие эпитеты: «самоубийственный культ», «дьявольский культ».

Но настоящий прорыв в технологии запугивания произошел в 1993 году. Именно тогда в публичный оборот на постсоветском пространстве были целенаправленно введены термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ». Их автором и главным лоббистом стал человек, объявивший себя главным экспертом по сектоведению, хотя его методы и выводы никогда не признавались академическим сообществом.

Я читал строки профессора Кантерова, и его выводы поражали своей точностью:

«Переноса зловещий, пугающий смысл термина “тоталитарный” на область религии, создатели конструкции “тоталитарная секта” рассчитывают таким способом существенно усилить обличительный заряд имеющихся определений, предваряющих слова “секта” и “культ”.

Именно по причине “узнаваемости” термина “тоталитарный” и закрепилось употребление этого очень “нехорошего” термина к новым религиозным образованиям».

Слово «тоталитарный» мгновенно активирует в нашей памяти образы двадцатого века: концентрационные лагеря, колючую проволоку, принудительный труд, подавление личности. Когда это слово прикрепляют к любой, даже самой мирной религиозной группе, у обывателя отключается критическое мышление. Возникает автоматический, животный страх.

Профессор Кантеров прямо указывал на то, что применение подобных терминов к религиозным объединениям, имеющим официальный юридический статус и зарегистрированным органами юстиции, свидетельствует об отсутствии у авторов таких материалов элементарных религиозоведческих знаний, а также базовых сведений о нормативных актах, регулирующих деятельность религиозных объединений. Причисление конкретного религиозного образования к категории, уже в самом наименовании содержащей негативные оттенки, в лучшем случае порождает к такой группе настороженное отношение, а чаще всего ведет к дискриминации и преследованию верующих.

Расплывчатость этих наименований позволяет причислять к ним практически любое религиозное новообразование, религиозно-философское учение, культурно-образовательное или оздоровительное учреждение. Было бы желание, а уж понятия «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» всегда готовы принять в свои безразмерные объятия всякого, кого нужно без лишних раздумий заклеить.

Я сидел под зеленой лампой библиотеки, и у меня по спине пробежал холодок. Это была гениальная и страшная схема. Если у вас нет четкого юридического определения термина, вы можете использовать его как угодно и против кого угодно. Вы можете назвать «сектой» курсы йоги, школу изучения иностранных языков, тренинг по личностному росту или коммерческую компанию, занимающуюся сетевым маркетингом. И вам не нужно ничего доказывать в суде, потому что самого термина в законе нет. Вы просто бросаете это слово в публичное пространство, а дальше медиа и общественный страх делают всю грязную работу за вас.

Мне нужно было проверить, как это работает на практике. Как реагирует на эту ситуацию современное научное сообщество? Почему профессиональные социологи и религиоведы молчат, позволяя внеправовым ярлыкам разрушать общественные институты?

Я решил встретиться с кем-то из практикующих исследователей. Через знакомых мне удалось выйти на кафедру социологии религии одного из крупных московских университетов. Моим собеседником согласился стать Михаил Семенович Воронов (имя изменено по его настоятельной просьбе) — кандидат социологических наук, доцент, автор десятков публикаций о современных религиозных процессах.

Наша встреча была назначена в небольшом кафе на Покровке. Михаил Семенович, невысокий, худощавый мужчина средних лет в потертом пиджаке и очках в тонкой оправе, пришел вовремя. Он выглядел уставшим и каким-то излишне собранным. Когда я достал блокнот и диктофон, он мягко, но решительно накрыл мою руку ладонью.

— Сергей, давайте без записи. И без упоминания моего настоящего имени и вуза. Если вы согласны на разговор на таких условиях, мы пообщаемся. Если нет — извините, у меня много работы.

Я убрал диктофон. Напряжение, исходившее от этого человека, было почти осязаемым. Это не был страх физической расправы, это был глубокий, профессиональный дискомфорт человека, который знает, что одно неосторожное слово может разрушить его жизнь.

— Почему такая секретность, Михаил Семенович? — спросил я, разливая чай. — Мы ведь обсуждаем научные термины, методологию. Вы ученый, преподаватель.

Воронов горько усмехнулся и откинулся на спинку стула.

— Наука, Сергей, заканчивается там, где начинается государственная идеология и интересы определенных групп влияния. Вы спрашиваете, почему в законе нет терминов «тотали-

тарная секта» и «деструктивный культ», но их используют все кому не попадя? Да потому что это идеальное социальное оружие. И любой ученый, который осмелится публично заявить об их научной несостоятельности, мгновенно попадает под удар.

Он сделал глоток чая и продолжил, понизив голос:

— В нашей профессиональной среде сейчас сложилась удушающая атмосфера. Стоит тебе дать объективную, взвешенную экспертизу по какому-нибудь новому религиозному движению, не найдя там признаков экстремизма или «промывания мозгов», как тебя тут же объявляют «сектозащитником». Это клеймо. Вас обвинят в том, что вы получаете деньги от этих организаций, что вы продались. Начнется травля в прессе, на кафедру придут запросы из определенных ведомств, руководство вуза вежливо попросит вас уйти по собственному желанию, чтобы не портить репутацию заведения. Кому нужны эти проблемы? Проще молчать или писать обтекаемые отчеты.

— Но ведь это же прямое нарушение академической свободы, — возразил я.

— Академическая свобода? — Воронов посмотрел на меня как на ребенка. — Забудьте. Сегодня главным инструментом стигматизации стал метод, который в социологии называется «виной по ассоциации». Это ключевой инструмент, с помощью которого антикультовые активисты уничтожают любого оппонента.

Он пододвинул к себе салфетку и быстро набросал на ней простую схему.

— Смотрите, как это работает. Есть группа А, которую антикультисты объявили «тоталитарной сектой». Не важно, на каком основании — просто объявили через СМИ. Есть ученый или правозащитник Б, который говорит: «Подождите, давайте изучим факты, у нас нет юридических оснований для преследования группы А». В этот момент антикультисты запускают механизм «вины по ассоциации». Они заявляют: «Раз Б защищает группу А, значит, Б сам является скрытым членом этой секты, либо получает от нее финансирование, либо разделяет ее деструктивные идеи». Все. Дискуссия закрыта. Вам больше не нужно спорить с аргументами Б. Вы просто уничтожили его репутацию, связав его с «врагом».

Михаил Семенович замолчал, глядя в окно, где прохожие кутались в воротники от холодного ветра.

— Этот метод широко использовался в нацистской Германии, — тихо произнес он. — Там тоже сначала создавали образ «внутреннего врага», дегуманизировали его с помощью специальных терминов, а затем любого, кто пытался заступиться или просто призвать к закону, объявляли пособником этого врага. Круг замыкается. Секты опасны, потому что они совершают опасные действия; а их действия опасны, потому что они секты. Это псевдологика, которая не имеет ничего общего с наукой, но она безотказно работает на уровне массовой психологии.

Я вспомнил материалы, которые изучал в библиотеке. Действительно, кандидат социологических наук В. Филькина прямо писала, что основные концептуальные понятия антикультистов — «тоталитарность» и «деструктивность» — не используются в научном мире, поскольку являются скорее ярлыками, несущими негативную коннотативную нагрузку, своеобразным «социальным оружием». Она отмечала, что книги и статьи лидеров этого движения основаны по большей части на ненадежных источниках информации — газетных историях, интернет-сообщениях, частных мнениях. И тем не менее, терминологию этих книг часто применяют органы государственной власти.

Я спросил Воронова о последствиях такого подхода для общества.

— Последствия катастрофические, — ответил он. — Когда внеправовые ярлыки начинают использоваться государственными органами, разрушается сама основа правосудия. Вместо презумпции невиновности мы получаем презумпцию виновности по религиозному или идеологическому признаку. Любая зарегистрированная, законопослушная организация может быть уничтожена в общественном мнении за несколько дней. Достаточно выпустить серию

заказных репортажей, назвать ее «сектой», и от нее отвернутся партнеры, арендодатели расторгнут договоры, а правоохранительные органы начнут бесконечные проверки, парализующие работу. Это внесудебная расправа, осуществляемая руками запуганного общества.

Мы попрощались с Михаилом Семеновичем. Я шел по Покровке, чувствуя, как внутри меня на смену фоновому страху приходит злость. Я начинал понимать структуру этой машины. Она управлялась не законами, она работала на эмоциях, на изоощренной манипуляции языком.

Вернувшись домой, я решил провести детальный аудит главного источника, на котором держится вся антисектантская кампания в нашей стране. Я заказал через интернет книгу, которая считается «библией» отечественного антикультизма — «Сектоведение. Тоталитарные секты» Александра Дворкина.

Когда книга оказалась у меня в руках, я открыл ее с твердым намерением анализировать текст так, как анализирую финансовые отчеты сомнительных фирм — ища скрытые проводки, несоответствия и манипуляции с данными.

Мой анализ подтвердил худшие опасения. Это не было научным исследованием. Это был классический образец того, что лингвисты называют «языком вражды» (hate speech).

Я начал искать независимые экспертизы этой книги. Оказалось, что профессиональные лингвисты и юристы уже проводили комплексный анализ «Сектоведения». Их выводы были однозначными и пугающими.

Текст книги содержит явные признаки идеологии религиозной эксклюзивности и превосходства. По своей внутренней логике и риторике она воспроизводит модель, сходную с идеологией «расовой чистоты» времен нацизма, но перенесенную в религиозную сферу. В ней последовательно проводится мысль о том, что только одна конкретная религиозная организация является «истинной и чистой», в то время как все остальные конфессии и движения трактуются как ложные, дьявольские, деструктивные и подлежащие искоренению.

Авторы экспертиз отмечали, что использованные в книге речевые стратегии не являются случайными стилистическими приемами. Они образуют единую, системно организованную структуру, направленную на достижение конкретного эффекта — возбуждения ненависти, вражды и унижения человеческого достоинства по признаку отношения к религии. Текст целенаправленно конструирует образ врага, используя методы демонизации, дегуманизации и патологизации. Представители других конфессий изображаются как психически неполноценные люди, лишенные собственной воли, марионетки в руках корыстных лидеров.

С точки зрения действующего законодательства, в частности Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», содержание этой книги полностью соответствует признакам экстремистских материалов. Она публично разжигает религиозную рознь, пропагандирует неполноценность граждан по признаку их религиозной принадлежности и косвенно побуждает к враждебным действиям против них.

Если бы закон применялся беспристрастно, эта книга давно должна была быть запрещена, а ее автор привлечен к ответственности по статье 282 Уголовного кодекса. Но вместо этого книга свободно продается, в том числе на церковных прилавках, а ее терминология используется чиновниками и судьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.